

Евгений Кириллович – журналист и редактор. Родился в Каменске-Шахтинском Ростовской области, живёт в Казани. Здесь он закончил школу №131 и историко-филологический факультет Казанского университета (КГУ). Работал в газете объединения «Казаньоргсинтез» и в редакционно-издательском отделе финансово-экономического института. Стихи он пишет с юности, но эта подборка – первая его большая поэтическая публикация

дебюты «КА»

*Евгений
Кириллович*

107

Новая рубашка

Там, в заоблачных аллеях,
Шьют серебряным стежком
Мне рубашку к юбилею,
Чтоб казался молодцом.
Одежонка будет впору,
И дела пойдут на лад.
Мельтешит челнок проворный,
Но машинки не стучат.
Я, примерив ту рубаху,
Щедро оплачу заказ.
Пережил немало страхов,
Не страшусь на этот раз.
Закружусь и взмою лихо,
Словно падая ко дну,
Прихватив с собой портниху –
Желтозубую луну.

Медный час, железный век

Присохнет к колесу огонь.
Вода раскрошится под ним.
И медный час, железный век
Наступит...
И, сам себе не господин,
Опустишься ты на скамью,
Попросишь мира у войны.
И жизни – у небытия.
Но мира не было и нет
Там, где простыл прощенья след.
И не живинки не найдёшь,
Где ты не по милу хорош.

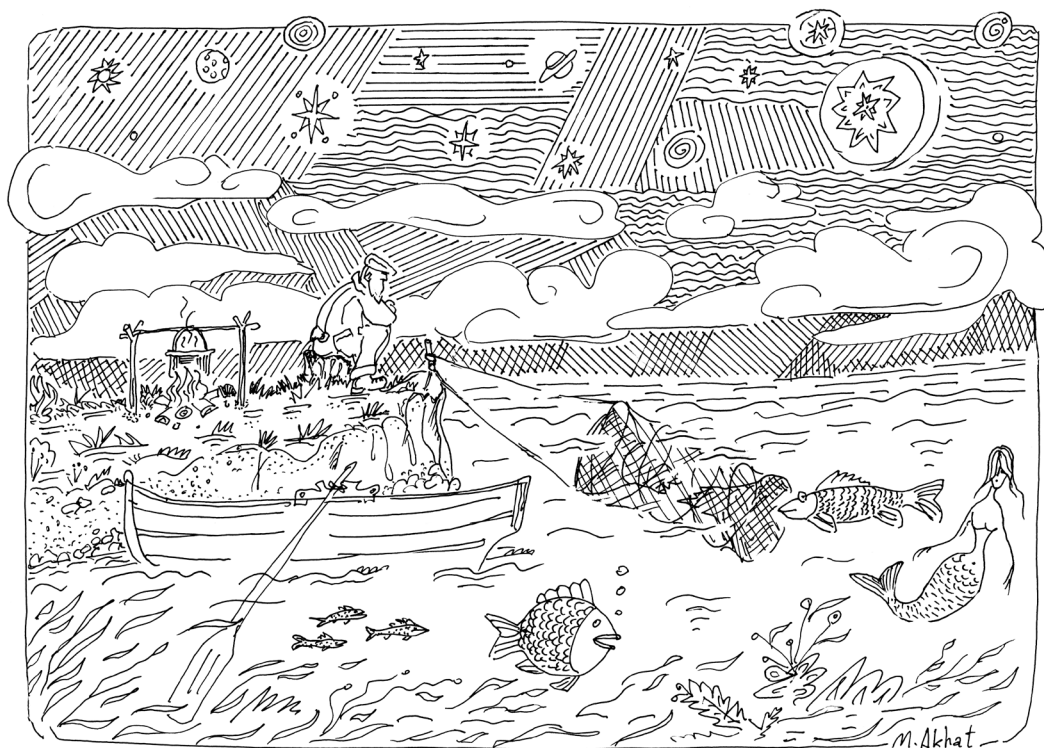
Мы никогда
«прощай»
не говорили

Всё тот же сон...

Вот за окном невнятный тихий звук
Ночной порой пронёсся в отдаленье.
Напомнил он последний сердца стук,
Вернувший вдруг надежду на спасенье.
Спасибо тем, кто весточку прислал,
Что клин на этой жизни не сойдётся.
И голос за спиною прозвучал:
«Всё тот же сон, и он опять начнётся».
А в прошлый раз ничто не началось,
Мы стали тем, чем были, что любили.
И старым склонностям не изменили.
Опять себя никто не перерос.
Ролям своим учились как придётся.
И вновь конец началом обернётся.

Остров

В дверях, где свет мерцает слабо,
Живёт прозрачное ничто.
Оно ютится возле шкафа
И помогает снять пальто.
И для того оно сгустилось,
Чтобы примерить образ твой,
Особенно когда грустилось,
А не пора ли мне домой,
Когда и дома больше нету.
Есть остров мёртвой тишины.
И не доносится приветов
Ни с той, ни с этой стороны.
И никого в ночном просторе
Пустынных комнат и углов...
Вдруг, как волна в холодном море,
Обдаст теплом: «Ну, будь здоров!»

На косе

Мне бы на косу спуститься.
 Обойдя весь белый свет,
 Там украдкой поселился
 Молчаливый старый дед.
 Он на белом на песочке
 День-деньской один сидит.
 Заодно на бережочке
 Морду с рыбой сторожит.
 У него я видел флягу
 Самодельного вина.
 Выложит он на бумагу
 И сазана, и сома.
 Посидим, похвалим ветер,
 Оттого что он затих.
 Всех любимых поприветим.
 Прочим дней пошлём лихих.
 Опустеют переправы,
 В балках съёжится трава.
 Дед, шутя, огонь кудрявый
 Вытряхнет из рукава.
 Затрещит, вздохнув глубоко,
 Рыжий плюшевый костёр...
 От него я левым боком
 Согреваюсь до сих пор.

**Всё, что ты
в огне любила**

Целый час сидим у печки
И любимся огнём.
Дыма синие колечки,
Забавляясь, разовьём.
Комлем пламя завалило –
Кочергой освободим.
Щёки жаром опалило,
Прослезимся – охладим.
Вдруг чугунное творило
Приоткрылось невзначай.
Всё, что ты в огне любила,
Распишишь и получай.
Раскалённое оконце,
Как неузнанный портрет.
Ты увидишь, он прорвётся,
Словно фантик от конфет.
Ничего мы друг о друге
Не проведаем в огне.
Ломкий сполох многорукий
Бьёт поклон тебе и мне.

Два огня

Два огня горели ярко,
А один – едва светил.
Плёт от тусклого огарка
Ветерок освободил,
Сдул он искру над водою.
Но большие огоньки
Словно сократились вдвое
Над поверхностью реки.
Покатилась ночь под ноги,
Встала тёмная стена.
Стала водная дорога
Менее освещена.
Нет знакомого мерцанья
Безымянного луча,
Дружелюбного молчанья,
Шёпота из-за плеча.
Неуютно пароходам,
Их окутывает мгла.
И от берега по водам
Тень сиротства пролегла.

Река

Вдоль по Скифии весёлой
Скачет синяя река,
Окружая степь подковой,
Подбоченившись слегка.
И когда нещадным зноем
Солнце землю накалит, —
Освежит и успокоит,
Как снежком припорошит.
Выгибая нежно спинку,
Блещет гребнем фонарей.
Не утянет ли в глубинку
Зазевавшихся гостей?
Тех, что ходят за советом
И бросают вниз деньги.
Так случилось прошлым летом.
И оттуда ни гугу.

Ключ

Подарили ключ от двери,
А за дверью — пустота.
В дальних странах есть поверье:
Эта бездна непроста.
Беспредельность окружает
Всё, что происходит тут.
Звёзды синие мерцают,
Чудно ноту «ля» поют...

Стать студентом, долго-долго
Книгу жизни изучать.
Для того и сердце смолкло,
Чтоб загадку разгадать.
Но не перейти границу
Нам под бременем наук.
Остаётся лишь влюбиться
В нотный знак и верный звук.

Непрощальное

Ах, до чего мне, право, надоели
Песок в глазах и в сердце острый ком.
Мы в жизни никогда с тобой не пели,
Давай уже заплачем — и споём.
Мы никогда «прощай» не говорили.
Сыра земля в убежище твоём
Освободится от песка и пыли,
Увьётся камнем, всхлипнет соловьём.

Мы вместе шли к неведомой нам цели.
И стали неразлучны – ты и я.
На камень лягут рдяные лалели.
В них – жизнь твоя и жизнь моя.

На воде

Мелькают лодки на поверхности воды,
Клюют носами. Не было б беды.
Под ними прорва метров в пятьдесят.
Скрипят уключины, и вёсла рябь дробят.
Суда сверкают синью, багрецом.
А ты сидишь с немеющим лицом
Одна на вёслах, мчишься на рысях
Всё ближе к берегу. Изнервничалась вся.
Сквозит в тумане крохотный лесок.
Скорей уткнуться бы в податливый песок
И лечь на мягкое, спокойно прикорнуть,
В круженьях сна понежиться чуть-чуть.

В тишине посреди урагана

Я бы струйку воды из-под крана
Уподобил зачину романа.
Тот, кто чувствует ароматы,
Много вызнает в запахе мяты.
Белоснежная паста из тубы
Больно жалит истёртые губы.
Собираемся к трапезе ранней.
Это время неясных желаний.
Обаяние чайной посуды
В том, что милы ей пересуды.
А поодаль скрипят половицы –
Не несут ли отведать нам пиццы?
Но кому это «нам»? В лучшем мире
Мы уже. И в такой же квартире.
Кавалеры и дамы, как мышки,
Мы изгрызли заветные книжки.
Без сомнения любим и верим,
Точным временем судьбы не мерим.
В тишине посреди урагана
Ожидаем развязки романа.

